

НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ЭКОНОМИКА

От чуда до юда

Как Иран прошел путь от «нефтяного чуда» к «экономике сопротивления»

Фото: AP / TASS

11:23, 16 января 2026,

Дмитрий Прокофьев

редактор отдела экономики

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Чтобы понять ситуацию в современной иранской экономике, нужно смотреть на цифры, динамика которых отражает процесс системного разрушения некогда успешной и перспективной экономической системы. Иран сегодня — это не просто «страна под санкциями». История иранской экономики — это не про внезапный коллапс, а про медленное удушье, растянувшееся на десятилетия.

Неудачное чудо

Корни ситуации, сложившейся в иранской экономике сегодня, уходят в эпоху шаха Мохаммеда Резы Пехлеви, в 1960–70-е годы. Тогда Иран переживал то, что с гордостью называли «нефтяным чудом». Доходы от экспорта черного золота, особенно после национализации месторождений в Хузестане и скачка цен в 1973 году, текли рекой. Страна рванула в индустриализацию: строились гигантские металлургические и нефтехимические комбинаты, создавалась современная (по меркам региона) инфраструктура. ВВП рос двузначными цифрами.

ЦИФРЫ «НЕФТЯНОГО ЧУДА»

- **Рост ВВП в период 1968–1978 гг.:** в среднем 11,5% в год. Пиковые значения в 1970-е доходили до 15–20%.
- **Доходы от нефти:** взлетели с \$1 млрд в 1963-м до \$5 млрд в 1973-м и, после нефтяного кризиса, до \$20+ млрд в 1977 году.
- **Доля нефти в экспортной выручке к 1977 г.:** превысила 90%.
- **Коэффициент Джини (показатель неравенства):** вырос с 0,44 в 1960-х до 0,50+ к концу

1970-х.

Но это «чудо» было весьма специфическим. Нефтегазовые доходы составляли более половины бюджета. Промышленность была очаговой, зависимой от государственных заказов и импортных комплектующих. Но главное — плоды роста распределялись чудовищно неравномерно. Богател шахский двор, узкая прослойка олигархии и чиновничества, в то время как массы сельского населения, мигрировавшие в города, и традиционный «базарный» (торговый) класс оставались на периферии этого «чуда». Роскошь столицы и нищета сельских районов существовали в параллельных реальностях.

Слово и дело

После того, как в 1964 году шах Реза Пехлеви выслал аятоллу Хомейни из Ирана, аятолла приехал в Париж, и за 4 месяца дал 132 интервью. Выступал Хомейни, естественно, на фарси — а его соратник, Абольхасан Банисадр, переводил слова аятоллы для европейских журналистов. И если иранцы (и все, кто понимал фарси) слышали радикальные призывы, на которые не скупился Хомейни, то переводчик Банисадр доносил до европейской аудитории аккуратные и политкорректные формулировки слов аятоллы, безо всякого радикализма и угроз.

Таким образом, как писала в своей книге «Черная волна» политолог Ким Гаттас, в отношении аятоллы у

журналистов «сложилось впечатление, что этот мудрец-аскет совершенно не интересуется политикой и планирует провести остаток своих дней в семинарии в Куме после того, как режим шаха падет, и он сможет вернуться в Иран». В результате, отмечала Ким Гаттас, «аятоллы и его соратникам удалось ввести в заблуждение западных журналистов относительно своих истинных намерений и воспользоваться их доверием в своих интересах» — аятолла стал восприниматься медиа-сообществом как приемлемая культурная и интеллектуальная альтернатива режиму иранского шаха.

В 1979 году Хомейни и Банисадр триумфально вернулись в Иран. Аятолла стал верховным правителем страны и сделал Банисадра президентом Ирана.

Но уже в 1981 году смещенному со своего поста Банисадру пришлось бежать во Францию, где он прожил еще 40 лет под охраной французской полиции. Хомейни же правил Ираном до своей смерти в 1989 году.

В тисках ограничений

Аятолла Хомейни пообещал жителям Ирана справедливость и независимость от «Большого Сатаны» (США). Но в реальности это вылилось не в построение новой модели экономики, а **в систематическое разрушение старой без создания работающей альтернативы**. Национализация, бегство капитала, разрыв международных связей — все это немедленно обрушило экономику страны.

- **Падение ВВП в 1980 году составило: 23,5%.**
- **Инфляция в первые послереволюционные годы: подбиралась к 50%.**
- **Обесценивание риала: с 70 риалов за доллар в 1979-м до 1 500+ к концу войны с Ираком.**

При всем этом ирано-иракская война (1980–1988) стала важнейшим инструментом для консолидации нового режима. Она позволила: **легитимизировать милитаризацию экономики** и создать ее стержень — Корпус стражей исламской революции (КСИР).

Именно КСИР стал главным экономическим бенефициаром политики аятолл. Из военно-полицейской структуры он трансформировался в гигантский **военно-промышленно-коммерческий конгломерат**. Под его эгидой возникли тысячи компаний в нефтегазовой отрасли, строительстве, телекоммуникациях, финансах, логистике. Параллельно сформировались мощные религиозные фонды, также контролирующие огромные активы. Так родилась уникальная иранская **«двухконтурная» экономика**: официальный, неэффективный государственный сектор и теневая, но могущественная империя КСИР.

Национальный аэрокосмический парк Корпуса стражей исламской революции. Фото: AP / TASS

1990-е принесли относительную либерализацию и попытки восстановления. Но уже тогда, в 1995 году, США ввели первые масштабные санкции. Ответом Тегерана стало робкое движение в сторону диверсификации: начался рост несырьевого экспорта (нефтехимия, металлы, ковры, сельхозпродукция). Зародился нарратив «санкции — стимул для развития». Однако это развитие было затратным и неэффективным.

А с 2011 г. Иран подпал под коллективные санкции США, ЕС и ООН, призванные побудить режим аятолл отказаться от использования своей ядерной программы в военных целях. Пакет секторальных санкций в отношении Ирана содержит три типовые группы запретов:

- **экспортное эмбарго** (запрет на импорт из Ирана нефти и продукции других базовых отраслей — от автомобилей до ковров);
- **импортное эмбарго** (запрет на поставки в Иран передовых

технологий, нефтегазового оборудования, западных материалов и компонентов) и

- **жесткие финансовые ограничения** (отключение банков от системы SWIFT, почти полная заморозка валютных резервов Центробанка, блокировка доступа Ирана на рынки капиталов и к международным расчетам в долларах и евро).

Первая фаза санкций (2011–2015) стала шоком для экономики Ирана.

- **Нефтяной экспорт рухнул на 76%** — с \$114,7 млрд до \$27,3 млрд.
- **ВВП пережил три года рецессии** (2012, 2013, 2015).
- **Инфляция взлетела до 30% в год.**
- **Риал начал свое падение.**

Иранская экономика, лишенная валютной подушки и доступа к технологиям, погрузилась в кризис. Именно этот шок заставил Тегеран пойти на переговоры и заключить ядерную сделку (СВПД) в 2015 году.

Краткая передышка (2016–2017) показала всю глубину структурных проблем. Снятие эмбарго дало эффект резкого отскока (рост ВВП +8,8% в 2016-м), но это было восстановление потока денег, а не «оздоровление экономики».

Пять лет изоляции нанесли непоправимый урон: производственные фонды устарели, технологический разрыв с миром увеличился. Ни о какой модернизации за два года речи быть не могло.

После начала второго раунда санкций (с ноября 2018 г.) экспорт

нефти упал ниже уровня 2015 г., страна вновь испытала взрывную и еще более высокую инфляцию (до 60% в год) и очередную двухлетнюю рецессию, причем последовавший в 2020–2021 гг. восстановительный рост не компенсировал последствий спада.

Август 2015 года. Тегеран. Ресторан быстрого питания «Мэш Дональдс», подражатель «Макдоналдс». Фото: AP / TASS

Против всех

Именно тогда была формализована доктрина **«Экономики сопротивления»**. Официальная риторика преподносит эту доктрину как план достижения экономического суверенитета. Ее принципы звучат благостно: борьба с коррупцией, научные инновации, диверсификация, социальная справедливость.

Это не теоретическая модель, а **практический набор чрезвычайных мер**, сформированный десятилетиями жизни под санкциями. Его цель — обеспечить минимальную

функциональность государства и базовую социальную стабильность в условиях торговой изоляции.

Главный принцип этой доктрины — стремление выстроить альтернативные пути для движения товаров, капитала и технологий.

Финансовый обход («дедолларизация под принуждением»):

- **Отказ от доллара и евро:** Полный переход на валюты стран-партнеров — китайский юань, дирхам ОАЭ, российский рубль, индийская рупия.
- **Архаичные и крипто-инструменты:** Активное использование бартера, клиринговых соглашений (счетов взаимозачета), системы неформальных переводов «хавала» и легализованных криптовалют для международных расчетов.
- **Национальные платежные системы:** Развитие внутренних карточных систем.

Торгово-логистический обход («теневая глобализация»):

- **«Теневой флот»:** Создание или аренда танкеров без страховки и транспондеров для транспортировки нефти с постоянно меняющимися маршрутами и пунктами назначения.
- **Параллельный импорт:** Закупка «запрещенных товаров» (от запчастей до электроники) через третьи страны (Турция, ОАЭ, Армения) с переупаковкой и изменением документов.
- **Переориентация на соседей и незападные центры:** Китай становится главным экономическим партнером, а Турция и ОАЭ — критическими торговыми хабами.

Для нейтрализации разрушительного действия санкций внутри страны применяется жесткое государственное вмешательство.

Валютный режим военного времени:

Множественность курсов (до 2023 года). Была создана сложная система:

- **Официальный курс (например, 42 000 риалов за \$1):** Для импорта критически важных товаров (лекарства, продовольствие, зерно). Фактически, огромная **скрытая субсидия** госсектору и населению.
- **Специальный курс для экспортеров/импортеров:** Для стимулирования несырьевого экспорта.
- **Рыночный курс (например, 300 000 риалов):** Для всех остальных операций. Реальный курс девальвации.
- **Жесткий валютный контроль:** Запрет на свободный вывоз капитала, обязательная продажа валютной выручки экспортерами государству, лимиты на покупку валюты для импорта.

Стратегическое импортозамещение:

- Фокус на достижение самообеспечения в **продовольствии, лекарствах, военно-промышленном комплексе и нефтехимии.**
- **Селективная поддержка крупных госкорпораций** (например, в автопроме, сталелитейной, химической отраслях), которые получают льготные кредиты, валюту по официальному курсу и госзаказы.
- **«Исламский банкинг»** формально становится основой финансовой системы, направляя ресурсы (в теории) на финансирование «реальных активов», а не спекуляций.

Социальный контракт: Субсидии в обмен на стабильность:

- **Массивное субсидирование базовых товаров:** Бензин, хлеб, лекарства, коммунальные услуги продаются населению по ценам в десятки раз ниже рыночных (мировых).
- **Прямые денежные выплаты** малообеспеченным семьям для компенсации инфляции.

Реализация этой доктрины позволила Ирану провести определенную диверсификацию экономики (с созданием сильного нефтеобрабатывающего комплекса), добиться

частичной самодостаточности в базовых секторах средней сложности и почти полностью заместить западных партнеров восточными.

Но «экономика сопротивления» не смогла защитить Иран от санкционного сжатия нефтегазовых доходов и резкого нарастания бюджетного дефицита начиная с 2018 г. (по данным МВФ, он прирастал на уровне 4,5% ВВП в год). В 2019 г. Ирану пришлось урезать свои масштабные социальные программы и, в частности, программу субсидирования цен на топливо (стоимостью в 1,6% ВВП), что вызвало в стране волну социальных протестов.

Фото: AP / TASS

Почему в Иране цены растут так быстро

Инфляция в Иране — один из триггеров ухудшения социально-экономической ситуации в этой стране. При этом финансовый регулятор Ирана проводит политику «инфляционного таргетирования» — как, кстати, и в РФ, только ЦБ РФ смог тормознуть инфляцию, а в Иране это не получилось.

Почему не получилось — ответ на этот вопрос дают Али Алихани, Хоссейн Шарифи Ренани и Саид Даи-Каримзаде, экономисты из Исламского университета Азада, в [статье](#) *Assessing the Impact of Sanctions and Central Bank Independence on Inflation Targeting in Iran*.

Ученые проанализировали данные за 1978–2024 гг., чтобы количественно оценить влияние разных факторов на «разрыв» между целевой и фактической инфляцией в Иране и построили модель, в которую включили 7 ключевых переменных:

- Разрыв между целью и фактической инфляцией.
- Независимость ЦБ (рассчитали специальный индекс).
- Индекс санкций.
- Денежная масса.
- Обменный курс.
- Минимальная номинальная зарплата.
- Волатильность самой инфляции.

Задача модели — показать, как изменение каждого из этих факторов толкает разрыв инфляции вверх (ухудшает ситуацию) или вниз (улучшает).

Модель четко разделила факторы на две группы.

Группа 1. Факторы-«ВРАГИ» (увеличивают разрыв, мешая достижению цели):

- **Экономические санкции (наибольший эффект). Это мощный макроэкономический шок. Санкции:**

Блокируют валютную выручку от экспорта создавая дефицит

валюты.

Вызывают обвальную девальвацию национальной валюты (риала). Девальвация взвинчивает цены на импорт.

Создают атмосферу неопределенности, подталкивая бизнес и население скупать валюту и товары, что еще больше разгоняет цены.

Таким образом, санкции напрямую разрушают основное условие для таргетирования инфляции — контролируемую экономическую среду.

- **Повышение минимальной номинальной зарплаты.**

Если зарплаты растут по приказу, а не вслед за реальной производительностью труда, издержки бизнеса растут.

Чтобы сохранить рентабельность, компании вынуждены повышать цены на свою продукцию.

Рост цен сводит на нет повышение зарплаты, возникает спираль «цены-зарплаты», и инфляция раскручивается.

Социальная политика (повышение зарплат) вступает в прямой конфликт с монетарной (сдерживание инфляции).

- **Высокая волатильность самой инфляции. Это эффект потери доверия и якоря:**

Когда инфляция скачет непредсказуемо (вчера 10%, сегодня 20%), люди и компании перестают верить, что ЦБ может ее обуздать. Инфляционные ожидания становятся «раскрепленными» — все закладывают в свои планы высокий рост цен. Эти ожидания материализуются: бизнес заранее завышает цены, работники требуют зарплату с запасом, и инфляция действительно остается высокой.

Высокая и нестабильная инфляция прошлого подрывает любые попытки контролировать инфляцию в будущем.

Группа 2. Факторы-«ПОМОЩНИКИ» (уменьшают разрыв, помогая достижению цели):

- **Независимость ЦБ (самый важный внутренний фактор).**
Речь о реальной, а не декларативной независимости от правительства:

Проблема Ирана — фискальное доминирование. Правительство с дефицитом бюджета часто финансирует свои расходы, заставляя ЦБ «печатать деньги» (прямо или через покупку госдолга). Пока ЦБ — «кошелек» правительства, ни о каком контроле над инфляцией речи быть не может.

- **Контроль над ростом денежной массы.**

Модель подтвердила: в ситуации в Иране избыточная эмиссия денег («печатание» риалов) ведет к росту цен в долгосрочной перспективе.

- **Стабильный обменный курс. Ключевой фактор для импортозависимой экономики:**

Резкое падение курса риала делает импорт дороже. Это вызывает импортируемую инфляцию.

Стабильный курс (пусть даже на контролируемом уровне) сдерживает панический спрос на валюту и разрывает прямую связь между мировыми ценами и внутренней инфляцией.

В условиях Ирана управление обменным курсом — критически важный инструмент сдерживания инфляции.

Таким образом, **проблема Ирана** — не в неработоспособности самого инфляционного таргетирования, а в том, что для его успеха необходима совокупность институциональных и

макроэкономических условий, которых в стране системно нет.

Фото: Zuma / TASS

Вместо стабильности

Кроме того, наряду с хронически высокой инфляцией характерной чертой иранской экономики выступает высокая волатильность в динамике ВВП, когда глубокие рецессии чередуются с быстрым отскоком и очередным торможением.

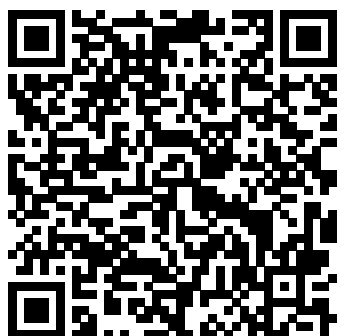
ИТОГИ «СОПРОТИВЛЕНИЯ» К 2025–2026 ГГ.

- **Инфляция:** Хроническая, на уровне 40–50% в год. Индекс потребительских цен с 2010 года вырос более чем в 10 раз.

- **Валюта:** Риал обесценился с примерно 10 000 за доллар в 2011 году до 1,4 млн за доллар в конце 2025-го — падение в 140 раз.
- **Бюджет:** Хронический дефицит, финансируемый эмиссией. Нефтяные доходы упали на ~78% за десятилетие.
- **Уровень жизни:** Реальный ВВП на душу населения откатился к уровню 1990-х годов. Около 60% населения живут за чертой бедности, 18,4% — в абсолютной нищете.

Таким образом, ни меры обхода санкций, ни «политика сопротивления» не спасают Иран от непрерывного взаимного усиления множества дестабилизирующих экономику факторов (девальвации, инфляция, бюджетный дефицит, двузначные процентные ставки и др.), что выливается в итоге в дальнейшее падение производительности и сжатие экономического потенциала. Если полвека назад Иран был растущей экономикой со средним доходом и уровнем благосостояния выше среднемирового, то сегодня он относится к группе бедных, низкодходных стран — беднее Кубы и ЮАР (по расчетам в постоянных долларовых ценах 2015 г.).

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Сто лет... и опять одиночество. Век Венесуэлы](#)

1900—1935 годы: герой Маркеса, интервенция оппозиции и «демократический цезаризм». Часть 1 из 3